

И.Н. ТАРТАКОВСКАЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ПОВЕДЕНИЕ НА РЫНКЕ ТРУДА

Тема социальных сетей в социологии и экономике популярна еще с 1970-х годов, но основная масса работ, посвященных их роли в России, приходится на середину 1990-х. Исследователи особо подчеркивают значение социальных сетей в позднесоветский и, в особенности, в постсоветский период [1–5]. В России социальные сети не только являются стабилизирующим фактором в экономической жизни и частично компенсируют кризис государственных социальных институтов [6], но и служат первичной системой социальных координат в условиях кризиса доверия к более широким сообществам. Особенно велика роль сетей при трудоустройстве [7]. Задача настоящей работы — показать, как сетевые ресурсы влияют на профессиональные и личные стратегии мужчин и женщин.

В статье описаны результаты лонгитюдного исследования «Гендерные стратегии на рынке труда», выполненного в четырех российских городах (Москва, Самара, Сыктывкар, Ульяновск) в 1999–2001 гг. Было проведено сравнение трудовых стратегий мужчин и женщин, чья жизненная ситуация требовала активных действий в данной области. Группы респондентов формировались по разным принципам: в Москве это были работники промышленного предприятия и академических институтов, столкнувшиеся с длительными задержками зарплаты; в Самаре — безработные, официально зарегистрированные на городской бирже труда; в Сыктывкаре — люди, получавшие пособие по бедности через органы соцобеспечения, и наконец, в Ульяновске — выпускники среднеспециального и высшего учебных заведений. В каждом городе опрошено по 30 мужчин и 30 женщин; таким образом, общее число респондентов составило 240 человек. Респонденты опрашивались 4 раза через каждые полгода (первый этап осуществлен в сентябре 1999 г.). Проводились интервью с путеводителем, содержание которого менялось в зависимости от задач конкретного этапа исследования. Таким образом, мы получили возможность проследить, какие действия на протяжении двух

Тартаковская Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО). Адрес: Самара, ул. Галактионовская, д. 187, кв. 25. Телефон: (8462) 42–31–40. Электронный адрес: i_tartakovskaya@mail.ru

лет предпринимали люди для улучшения своей позиции на рынке труда и как эти действия соотносились с их семейными обязанностями, гендерной идентичностью, ценностями и мотивациями.

Мы не задавались целью выяснить объем, интенсивность и характер социальных связей каждого из респондентов, но по мере того, как они описывали нам свои жизненные ситуации, становилось понятно, что эти связи представляют собой важный контекст их повседневной жизни. Мы постарались выделить тенденции, характеризующие влияние социальных сетей на разные группы акторов в зависимости от их половозрастной и профессиональной принадлежности. Обычно к важнейшим факторам, определяющим характер социальных контактов, относят также этнический состав сетей [8], но в нашем исследовании, проводимом в городах с преимущественно русским населением, он не рассматривался. Понятие «социальные сети» может использоваться в разных теоретических контекстах [9]; мы использовали его в наиболее распространенном в социологии значении — как неформальные социальные связи между индивидами.

Хотя исследование носило, безусловно, качественный характер, было охвачено достаточно большое количество респондентов, чтобы сделать некоторые предположения о распространенности тех или иных моделей поведения. Полученный массив интервью подвергнут выборочной тематической квантификации. И хотя полученные частоты являются всего лишь квазистатистикой, которую нельзя использовать для прямого доказательства тех или иных зависимостей или причинно-следственных связей, они помогли нам создать некоторую картину социальных взаимоотношений — хотя бы показать, какие из них являются более, а какие менее типичными.

Первый очевидный вывод исследования состоит в том, что почти все респонденты, независимо от пола, возраста и материального благосостояния, считают сети важным ресурсом успешной адаптации на рынке труда. Большинству опрошенных такая система распределения рабочих мест кажется сама собой разумеющейся и никак не проблематизируется:

«Ты сейчас не устроишься в сервис. Нужно только по знакомству».

«Ну, мне хотелось бы, конечно, в приличную фирму устроиться... В престижную какую-нибудь. Но это надо волосатую лапу иметь».

Сети представляют собой практически универсальную ценность, позволяя обмениваться как определенными материальными ресурсами (а иногда и получать их безвозмездно), так и информацией, в частности, о вакансиях и возможных вариантах трудоустройства. Наше исследование позволило выдвинуть предположение о том, что социальные сети мужчин и женщин имеют свою специфику. Так, мы выяснили, что женщины получают все виды помощи несколько чаще, чем мужчины, за исключением помощи в трудоустройстве, частота

получения которой не зависит от пола. Женские сети отличаются большей частотой контактов (но не большей эффективностью).

Почему так происходит? Отчасти дело в самом характере «преимущественно женских» контактов. В частности, материалы лонгитюда показали, что женщины несколько чаще, чем мужчины, получают помощь от родственников, особенно от матерей. Отношения с матерью для многих взрослых женщин на всю жизнь остаются не только эмоциональным, но и вполне материальным ресурсом. Особенно велика роль материнской помощи молодым женщинам — в первом трудоустройстве, в воспитании детей, денежных и вещевых трансфертах и т. п.

Р.: «Нам мама моя помогает, и делом, и деньгами — в смысле занять у нее всегда можно, потом детям что-то покупает постоянно». И: «И насколько существенна мамина помощь, если попытаться в процентах это выразить?» Р.: «Я думаю, иногда до половины доходит! Даже стыдно, но я уверена, что это все нормально, потому что мы становимся на ноги и уже сами сможем маме помогать, это обязательно, у нас очень тесные, близкие отношения. Это как одна душа».

«Мама, конечно, помогает. Мы питаемся вместе, и есть многое из того, что я бы одна себе не купила, а мама покупает, и питаемся вместе — мне это своего рода тоже помощь».

Примечательно, что последней из процитированных респонденток 53 года и она является матерью двоих взрослых детей, живущих отдельно со своими семьями; однако материальную помощь она получает в основном от своей очень пожилой матери, а не от детей.

Матери, разумеется, помогают не только дочерям, но и сыновьям, причем нередко практически всю жизнь. Когда, например, у 50-летнего респондента интервьюер спросила, помогает ли он материально своей матери-инвалиду, он ответил:

«Она нам помогает! Я ее пенсию получаю, потом каждый день готовим еду и относим ей».

Материнская помощь — особый элемент социальной сети. Это подтверждает мнение С.И. Голода и А.А. Клецина [10] о доминировании в России если не детоцентричной семьи, то, во всяком случае, детоцентричной женской судьбы. Если оба родителя взрослых детей живы и живут вместе, то их помощь может восприниматься как обобщенно «родительская», но чаще фигура матери выходит на первый план, потому что ее помощь разнообразнее: это и трансферты, и помощь трудом (в основном, забота о внуках), и разнообразные консультации. Помощь выросшим детям придает смысл жизни женщинам старших возрастных групп, являясь важнейшим источником позитивного утверждения их идентичностей. Так, одна из респонденток, рассказывая о своих отношениях с матерью, сообщила, что она часто занимает у нее деньги, а «...младший брат, бывает, и без возврата

берет, но она этим даже гордится, у нее вроде как чувство собственной незаменимости тогда появляется. Тогда она очень довольна и с гордостью об этом рассказывает».

Непосредственно от отцов чаще всего исходит помощь в трудоустройстве. Дело здесь не только в материнской самоотверженности: в большинстве российских семей именно женщина управляет ресурсами домохозяйства. К тому же в советский период большинство семей было матриликальными, и это поддерживало паттерн тесной связи прежде всего матерей с дочерьми.

В целом социальные сети имеют отчетливую гендерную окраску: мужчины чаще помогают мужчинам, а женщины — женщинам. Так, мужчинам из 300 случаев оказания помощи в целом в 155 случаях помощь оказывали мужчины же, в 56 случаях — женщины, в остальных пол помогающих был неясен (в интервью они назывались во множественном числе — «друзья», «знакомые», «родственники», можно предположить, что они распределяются в той же пропорции); женщинам — в 213 случаях из 378 помощь оказывали женщины, в 74 — мужчины, в остальных — пол помогающих неясен).

Это связано с тем, что типичный круг общения мужчин и женщин носит на себе отпечаток российской гендерной культуры, подразумевающей довольно большую роль гомосоциальных групп в повседневных досуговых и коммуникативных практиках. Причем уровень гомосоциальности сетей с возрастом их членов увеличивается: молодежи свойственно общение с людьми как своего, так и противоположного пола, более того, общение с последними является определенной ценностью, а иногда и частью сознательной матримониальной стратегии. После создания семьи сети становятся более однородными по полу, причем это касается не только близких дружеских отношений, но и более отдаленных, и даже случайных знакомств: арены деятельности мужчин и женщин часто различны — во-первых, из-за заметной гендерной сегментации рынка труда, во-вторых, из-за разных бытовых практик. Например, значительная часть жизни женщин бывает связана с детскими учреждениями, в которых учатся или воспитываются их дети, и там они имеют больше шансов познакомиться с другими матерями, а не отцами.

Женщины гораздо чаще, чем мужчины, получают монетарные и вещевые трансферты, причем тоже преимущественно от женщин. (У мужчин насчитывается 35 случаев получения финансовой и материальной помощи, у женщин — 80.) На наш взгляд, этот феномен связан с характером функционирования женских сетей. Как неоднократно отмечалось в научной литературе [3, 8], сети дружеской и даже родственной помощи обычно имеют (или хотя бы предполагают) взаимный характер по схеме «ты мне, я тебе». В наших группах респондентов — преимущественно «слабых» в силу особенностей их

положения на рынке труда и материального благосостояния — предметом трансфертов служат обычно продукты, одежда и небольшие суммы денег. Такого рода ресурсы, как правило, находятся в распоряжении женщин, которые отвечают за ведение домашнего хозяйства.

«Мы даже организовали взаимопомощь вещами. Что-то кому-то не подходит, велико — передаем другому. От одного ребенка — другому. Взрослым что-то не подходит или надоело — тоже передаем от одного к другому, чтобы носили».

«У меня подруга есть — инвалид первой группы, я вот к ней приезжаю... у нее дочь одна, работает. Так та вообще в нищете живет... Они вдвоем перебиваются еле-еле, а она моложе меня, всего 48-го года (1948). И пенсия — мизер. И я к ней езжу, помогаю, стараюсь все-время что-нибудь купить ей — где печенья, где конфеточек чуть-чуть. Сейчас у нее ноги отказывают. У нее очень редкая болезнь — мышцы отказывают, и она сейчас на двух костылях. Сейчас звонит: Тань, приезжай, я вообще задыхаюсь, слегла».

При этом крупные денежные займы и даже иногда безвозмездную денежную помощь чаще предоставляют мужчины, потому что у них в целом больше ресурсов. Так, одной из наших респонденток ее начальник, с которым она находилась в дружеских (но не в интимных) отношениях, безвозмездно дал 3,5 тысячи долларов на покупку квартиры. Другому респонденту его знакомый выделил из своих средств своеобразный «грант» для того, чтобы он смог спокойно закончить книгу, не отвлекаясь на подработки. В обоих случаях в роли спонсоров выступили бизнесмены, то есть люди, которые могли себе позволить подобную «благотворительность», и здесь речь идет скорее о классовых, чем о гендерных характеристиках «дарителей». Однако классовые и профессиональные различия тесно переплетаются с гендерными. По данным Госкомстата, на конец ноября 2001 г. к категории работодателей, то есть собственников средств производства, относилось в два раза более мужчин, чем женщин (1,8 тыс. человек против 0,9 тыс.); среднемесячная номинальная начисленная заработная плата женщин по Российской Федерации в 2001 г. составила лишь 63% заработной платы мужчин [11]. Такого рода экономический фон позволяет предположить, что в целом мужчины распоряжаются большими материальными ресурсами, и, соответственно, при желании могут оказывать более значительную помощь членам своих сетей. Однако в реальности это происходит не так часто, и здесь играют роль разные понимания «взаимности» в мужских и женских сетях. Та повседневная помощь, которую оказывают друг другу женщины, не очень велика в финансовом выражении, и, соответственно, предлагать ее могут и малообеспеченные люди, при этом эквивалентность обмена имеет второстепенное значение.

Эти обмены не обязательно являются самоцелью, они растворены в повседневной дружеской коммуникации, в «нормальных человеческих отношениях». Многие наши респондентки отмечали большую важность для них этого «морального компонента» материальной и информационной поддержки. В ситуации социальных трансформаций, которые означают, помимо всего прочего, изменение привычных жизненных условий и координат, а нередко — разрушение привычных связей (например, с трудовым коллективом), многие из них чувствовали себя достаточно дезориентированными и деморализованными. Поэтому поддержка со стороны друзей и близких помогала им справиться с жизненными трудностями, может быть, не меньше, чем собственно материальная помощь.

Мужчины же в своих интервью очень редко говорили именно о моральных аспектах оказываемой им поддержки. Это не означает, конечно, что такие аспекты для них не существенны, но они имеют несколько иную окраску. Для мужчин, находящихся «в сетевых отношениях», принципиально важно относительное равенство статусов принимающего и оказывающего помощь, и речь здесь идет не столько об обязательной эквивалентности обмена, сколько о сохранении своего достоинства, маскулинной состоятельности.

«Механизм такой — постоянно поддерживаешь связи со своими знакомыми. А поддерживаешь и имеешь возможность это делать, потому что работаешь. У тебя есть там деньги, ты зарабатываешь и к ним приходишь не так, дай займы мол, а поговорить как равный с равным».

Даже респондент, который оказался в непривычной для мужчины роли спонсируемого, подчеркивает, что достигнутая с его знакомым договоренность о финансовой поддержке никак не делает его зависимым и даже не предполагает особой благодарности с его стороны:

«Не спонсор, а, скорее, меценат. Лично он ничего от этого не будет иметь. Само понятие меценат — это фигура, которая в молодости хотела что-то сделать, изучать философию, например, или фигурным катанием заниматься. Но время прошло, он вырастает из этого возраста, ну, не удалось ему стать, кем хотел, не было задатков или возможностей прожить такую жизнь самому. Если ты сам не мог, пусть эту жизнь проживут другие. Я не побираюсь, я даю возможность сделать доброе дело».

Если говорить о формах поддержки, напрямую не связанных с материальными трансфертами, то женщины гораздо чаще оказывают (и получают) помощь трудом, причем как в приватной сфере (например, уход за детьми, помощь больным родственникам, а иногда и друзьям), так и на работе (в случае необходимости заменить коллегу):

И.: «Как вы поступаете, если вам нужно отлучиться или пораньше уйти с работы?» Р.: «Договариваюсь с девочками (коллегами). — И.Т.»

они меня отпускают. Если девочки согласны выполнить мою работу, администрация смотрит на это нормально».

Женская помощь трудом социально предписана как органическая часть женского гендерного контракта: предполагается, что женщина обязана заботиться о близких, пусть даже не живущих с ней вместе:

«Я, например, помогаю семье брата. Они работают. Я, например, мешок носков им перешила — это тоже помощь, это время. Сегодня, например, я готовила у них обед. Ну и, конечно, если мне нужно 20 рублей, то я подойду к брату работающему: “Дай, пожалуйста”. Я думаю, что он мне даст».

«У снохи было две бабушки, они обе болели, обе мне на плечи взвалились. Пришлось помогать, чтобы Диме никто не мог сказать, что твои не помогают, а мы, вот, помогаем... Я тут размышляла, что за такую работу (ухаживать за парализованной) в другом месте могли бы хорошо заплатить, я могла бы где-то работать и получать деньги. Моя работа там была тогда».

В первом примере респондентка в обмен на реальную помощь трудом семье брата лишь надеется на гипотетическую монетарную помощь с его стороны (да и то в весьма скромном масштабе — 20 рублей). Во втором — респондентка прямо говорит о том, что в рамках традиционных ожиданий ей вменен бесплатный труд, который в другой ситуации мог бы принести реальный заработок. Однако она безропотно за него берется, чтобы никто не мог упрекнуть ни ее, ни ее сына в том, что она саботирует выполнение ожидаемой от нее «женской работы». Представление о том, что женщины должны выполнять бесплатно целый ряд работ, разделяется ими самими и частично переносится в публичную сферу, поэтому они с готовностью выполняют в случае необходимости часть работы за своих коллег, ожидая, в свою очередь, и от них такой же ситуативной помощи. Для мужчин такое поведение нехарактерно: у них мы смогли насчитать всего 6 случаев получения помощи трудом, из них один — от мужчины, четыре — от женщин, в одном случае пол помогавшего неясен. У женщин 32 случая получения помощи трудом, из них 26 от женщин, 4 от мужчин.

В тех случаях, когда мужчины все же оказывают помощь трудом, она часто монетаризируется (даже если речь идет о родственниках), то есть превращается в подработку. Дело здесь не в том, что мужчины демонстрируют большую жадность, а женщины бескорыстие, а в разных социальных смыслах мужской и женской работы. Предполагается, что мужская работа всегда имеет денежный эквивалент, даже если она не сложная и выполняется «по знакомству»:

«Один раз я подрабатывал, там было 200 рублей. Просто как помощь делал. Светильник повесил, проводку провел, даже деньги не хотел брать, но отказываться было еще неудобнее. И.: По знакомству? Р.: Да, меня знакомый попросил сделать».

В этом примере респондент, высокооплачиваемый технический специалист, вряд ли был материально заинтересован в получении за свой труд очень небольшой суммы денег, тем более от своего знакомого. Но тем не менее оба соблюдают правила игры: знакомый предложил ему это, пусть почти символическое вознаграждение, ему же было «неудобно от него отказать».

Различается и качественный состав женских и мужских сетей. Мужчины в полтора раза чаще получают помощь от коллег, чем от родственников. Женщины получают помощь от тех и других одинаково часто. Таким образом, если женщины больше, чем мужчины, погружены в мир родственных связей, то для мужчин гораздо более характерна корпоративность как основа поддержки личных отношений. Мужские сети более профессионализированы и специализированы, и, как можно предположить, более эффективны. Это отражает также большую роль работы и профессии в индивидуальных мужских мирах, когда даже неформальные отношения сохраняют профессиональную окраску.

Возраст также является значимым фактором, определяющим круг и характер социальных сетей. Данные нашего исследования показывают, что только в младшей возрастной когорте (18–25 лет) объем мужской помощи несколько превышает объем женской: здесь значительную роль играет помощь отцов — как в трудоустройстве, так и материальная, консультационная и прочая; молодежи такая поддержка оказывается примерно в полтора раза чаще, чем людям более старшего возраста. Во всех остальных возрастных группах люди обоего пола чаще получают помощь от женщин. Сетевой ресурс молодых людей изначально во многом определяется возможностями их родительских семей; по мере взросления происходит дифференциация: у ориентированных на стабильность он надолго остается таким же, с преимущественной ролью родственных контактов; у тех же, кто склонен к риску и стремится к ранней вертикальной или горизонтальной карьере, быстро нарастают свои собственные сети — примерно в равной степени у юношей и девушек.

«Наиболее эффективные — это... твои знакомые, твои знакомые и коллеги, понимаешь? ...Грубо говоря, это можно назвать таким... неофициальным профсоюзом, понимаешь, профсоюзом выпускников как бы и твоих товарищей. Как происходит — я увольняюсь и иду среди своих же знакомых кого-то на свое место. Все так друг с другом меняются, понимаешь, это профессиональный такой союз, профсоюз, не как вот эта ерунда, которая по большей части нас окружает...».

Дифференцируются у молодых также и сами базовые представления о роли сетей. Часть молодых людей просто усваивает родительский опыт « сетевого существования » как жизненно необходимый. Наиболее же динамичная часть молодежи склонна к использованию

инновационных социальных практик. Для них характерен полный или частичный отказ от сетей как каналов трудоустройства [12]. В этом есть рациональный момент: ряд предприятий и фирм нового частного сектора при наборе персонала стремятся руководствоваться профессиональными качествами претендентов, а не традиционным принципом «блата», и молодые соискатели рабочих мест отдают себе в этом отчет:

«Сейчас возрос уровень конкуренции, поэтому приходится брать квалифицированных специалистов, потому что если брать блатных, то на них много не заработаешь... Поэтому приходят немножко к тому, что нужны люди, которые работают, умеют работать, имеют знания либо способны обучаться».

Не меньшее значение для этой части молодежи имеет сам принцип независимости, возможности добиваться своих целей самостоятельно. Однако этот паттерн пока мало распространен, подавляющее большинство молодых людей по-прежнему в большей степени полагается на поддержку своих сетей, особенно в вопросах трудоустройства и профессиональной карьеры.

Мужчины с возрастом реже оказывают помощь друзьям и знакомым. Женская же помощь значительно возрастает (знакомые накапливаются, отношения со старыми знакомыми не прерываются). Связано это, на наш взгляд, с более разнообразным и неформальным характером женских сетей: шире сам спектр видов помощи, она менее детерминирована социальной позицией получающей и оказывающей поддержку. Напротив, мужские профессионально ориентированные контакты имеют тенденцию несколько «усыхать» без соответствующей смазки: они требуют специальных мер по своему поддержанию и обслуживанию, иначе знакомства становятся поверхностными и не очень располагают к тому, чтобы вникать в ситуацию другого человека и оказывать ему помощь. Самому же просить о помощи означает подвергать сомнению свою маскулинную состоятельность. Когда теряется общая база (профессиональная или неформальная), то мужская сеть нередко не то, чтобы распадается, но выхолащивается и становится малоэффективной.

«А меня все время бывший коллега мой приглашает (на работу. — И.Т.), но что-то пока так приглашает, что не до конца. Он бывший летчик, летали вместе, теперь же у него ломбард, знаете, золотом торгует. И строительством занялся в последнее время... Прямо молодец, он такой шустрый! Но на него надежды особой нет у меня, хотя он все время говорит, что “имеет меня в виду”».

Налицо разрыв социальных статусов двух коллег: хотя безработный летчик претендовал лишь на место сторожа в бизнесе своего удачливого приятеля, место это он так и не получил.

Досуговые мужские сообщества требуют соответствующей инфраструктуры: они поддерживаются совместным посещением различных рекреационных учреждений (например, бань, пивных баров, спортивных центров). Финансовые ограничения существенно ограничивают возможности такого рода общения. Исключение составляет совместное распитие спиртных напитков, которое очень распространено, но скорее приводит к проблемам в экономической адаптации, чем к налаживанию и поддержанию полезных знакомств.

Таким образом, что касается «слабых связей», то есть знакомых и приятелей, то отношения с ними действительно подвергаются эрозии по мере того, как мужчина сталкивается с материальными проблемами и нисходящей статусной мобильностью (причем эта эрозия порождается, вероятно, не в последнюю очередь самим неудачником, которому морально тяжело обращаться к более удачливым знакомым). Эта логика, однако, не является универсальной, иначе мужчины неуклонно теряли бы свои сети по мере понижения статуса. Она не распространяется на родственников и близких друзей, к которым уместно обратиться в любых жизненных обстоятельствах. Важно отметить, что все эти тенденции верны только для трудоспособного возраста, пенсионеры (и мужчины, и женщины) помощи от друзей практически не получают — в России, по-видимому, дружат строго внутри возрастных когорт.

Насколько наличие или отсутствие социальных сетей влияет на успешность трудовых стратегий? На первый взгляд, ответ очевиден: в ситуации, когда большинство сколько-нибудь перспективных и хорошо оплачиваемых рабочих мест распределяется по неформальным каналам, сети служат ресурсом огромной важности, по крайней мере, не меньшим, чем уровень образования или профессиональная подготовка. Однако наше исследование позволяет внести в этот, в общем-то, очевидный тезис существенное уточнение: сама по себе широта сетей, о которой можно косвенно судить по частоте упоминания той или иной помощи, прямого влияния на успешность респондентов не оказывает. Это верно и для мужчин, и для женщин. Так, если за время нашего лонгитюда респонденты из «успешной» группы получали помощь от самых разных людей — родственников, бывших коллег и просто знакомых — в среднем 3 раза, то из «неуспешной» — 6,3 раза, то есть более чем в два раза чаще. Но при этом возможности сетей часто оказывались весьма ограниченными — трудоустройства были на плохие, малооплачиваемые рабочие места, объемы монетарных, вещевых и продуктовых трансфертов — незначительные, позволяющие лишь обеспечить физическое выживание. Другое дело, что для этой группы даже такая помощь имела принципиальное значение. Относительно большое число контактов говорит

о том, что группа «выживающих» вынуждена была активизировать все возможные виды ресурсов, в том числе и сетевые:

«Ну, с другой стороны, живем, не умерли от голода, нам помогают... Церковь, друзья, сестра, дочка — привозят продукты, лекарства, сидят с матерью, как-то выкручиваемся. Бывает, сидим, а тут, бах, друзья продукты привезли».

На успешность существенно влияет не объем, а *качество* имеющихся знакомств и связей, такие «контакты», которые могут действительно открыть перед человеком новые возможности. Таких знакомств может быть несколько, но нередко достаточно и единственного. Из этого не следует, однако, что именно наличие «ключевых контактов» играет решающую роль для большинства успешных респондентов. Наше исследование заставляет предположить, что сети способствуют успеху наряду с другими благоприятными факторами, такими, например, как наличие востребованной на рынке труда специальности. Но при прочих равных условиях они дают их обладателю значительную «фору».

При этом влияние собственно сетей достаточно сложно «вычлечь» из прочих социальных характеристик. Сети обладают значительной степенью социальной гомогенности. У рабочих большинство родственников и знакомых также будут рабочими или, по крайней мере, работать в производственной сфере, у людей, имеющих высшее образование, круг знакомых включает бывших однокурсников и т. п. Такие контакты скорее удерживают в определенной социальной нише, чем помогают из нее выйти. Однако для тех людей, которым пришлось пережить резкое «падение», эти сети могут оказаться бесценным ресурсом, позволяющим «вернуться». Весьма показательным примером является судьба одного из наших респондентов, бывшего журналиста, который, стремясь заработать, занимался ремонтом квартир, работал сторожем и, наконец, стал низкоквалифицированным рабочим-станочником. Налицо нисходящая мобильность, с которой сам человек, казалось бы, уже смирился. Однако через полгода, к моменту следующего интервью, ситуация кардинально меняется: респондент уже работает главным специалистом Министерства по налогам и сборам по Самарской области, причем практически по специальности, в пресс-центре. Способ трудоустройства не вызывает сомнений: *«Это все друзья, у меня много друзей, они меня хотели трудоустроить»*. Точно так же и менеджер после полуторалетней безработицы без всяких проблем трудоустроился к своему знакомому:

«У меня на черный день оставался этот вариант — институтский знакомый, у него небольшая фирма. Я в свое время помогал ему раскручиваться — и кредитом, и другими вещами. И как бы вот этот вариант — он всегда оставался. Ну, сейчас вот я к нему и пришел».

Так социальные сети позволяют неудачникам удержаться «на плаву». Интерпретируя эти результаты, необходимо еще раз подчеркнуть, что совокупность наших респондентов ни в коем случае не репрезентативна для городского населения России. В основном это представители «слабых групп», в начале исследования находившиеся в проблемном положении на рынке труда. Люди, у которых были хорошие связи, легко конвертируемые в карьеру и высокий заработок, имели мало шансов попасть в поле нашего зрения. Однако для тех, кто принадлежит к такого рода «проблемным группам», роль сетевого ресурса, с одной стороны, безусловно, велика, но с другой — все же достаточно ограничена. По мнению С. Кларка, сетевой ресурс был в значительной степени «отработан» еще в позднесоветское время и возможности его дальнейшей мобилизации у многих россиян относительно невелики [3]. В настоящее время многие сети, особенно имевшие профессиональный характер, значительно обесценились и оказались с прагматической точки зрения бесполезными:

«А мне вот даже вахтером не устроиться — везде нужны связи. А я же всю жизнь проработала ИТР, и все связи мои такие же. А ИТР сейчас кто — первый безработный. На вахту, значит, тоже сложно устроиться».

«Искал я работу, но сначала по знакомым. Но у всех такое положение, что одни ничего не знали, никто не расширялся. А знакомые у меня среди тоже, в основном, проектных институтов. Они были еще в более худшем положении, чем этот «ГазНИИПроект». Поэтому работы не было по моей специальности».

Особенно характерной эта ситуация оказалась для людей пенсионного и предпенсионного возраста, чьи сети, если можно так выразиться, выработали свой ресурс и постарели вместе с ними, а также для представителей инженерных профессий, оказавшихся мало востребованными на рынке труда и выпавших из него целыми «кластерами». Ограниченную эффективность имеют и чисто родственные сети. Они играют решающую роль в самом первом трудоустройстве, если оно оказывается недолговременным — то иногда в нескольких последующих. Но родственные ресурсы быстро исчерпываются и медленно прирастают (потому что у этнически русских горожан, как правило, небольшие семьи). Более перспективными оказались знакомства профессиональные и связанные с совместным получением образования.

Если же говорить о гендерных аспектах трудоустройства, мужские рабочие места скорее находятся по мужским каналам, а женские — по женским. Это прямое следствие гендерной сегментации рынка труда, которая приводит к соответствующей гендерной специализации информационных каналов. При этом женщины в целом играли более активную роль; в ряде случаев речь идет даже не о помощи в трудоустройстве, но о буквальном создании рабочих мест

для своих знакомых. Это еще один аргумент в пользу того, что конституирующим фактором женских сетей является не столько прагматическая взаимность (reciprocity), сколько коммуникация и солидарность. Как показали С. Ашвин и В. Якубович [13] активная позиция женщин как посредников в трудоустройстве тесно связана с их социализацией и последующим жизненным опытом заботы о других людях, принятием на себя частичной ответственности за их судьбы. Это не означает, конечно, что большинство успешных трудоустройств происходило именно через женщин: помимо желания помочь, необходимо иметь и соответствующие возможности. Однако женская поддержка для тех, кто ее получал, зачастую имела не только организационное, но и психологическое, эмоциональное значение и тем самым способствовала личностной адаптации к сложным жизненным обстоятельствам.

Подводя итоги нашего анализа социальных сетей и их роли в трудовых и личных стратегиях, отметим, что, во-первых, их гендерные особенности связаны как с различным уровнем доступа мужчин и женщин к экономическим, организационным и информационным ресурсам, так и со спецификой гендерных культур и гендерных контрактов. Если принять предложенное Дж. Наспари [8] разделение форм сетевой поддержки на необходимые для повседневного выживания и стратегические, то можно сказать, что женские сети решают скорее первую группу задач, а мужские — вторую. В частности, мужская материальная поддержка может быть хотя и нерегулярной, но «масштабной»:

И.: «Какая у Вас машина?» Р.: «Девятка. Ты выключи диктофон... Я тебе скажу. Мне дядя ее подарил недавно, но только я никому из родственников не говорила, чтобы не было пересудов. Он мне денег дал на машину».

Дядин подарок, о котором респондентка даже стесняется говорить при включенном микрофоне, явно «выбивается» из контекста обычного общения и повседневной родственной поддержки (поэтому нельзя о нем говорить другим участникам родственной сети, чтобы не вызвать их ревность). Трудоустройство по «мужским каналам» тоже обычно носит более «стратегический» характер, например, чаще бывают связаны с переездом в другой город:

«У меня товарищ очень хороший. Он в Тольятти тоже через друзей устроился коммерческим директором. Он меня туда утащил».

Здесь важен именно момент переезда, то есть принятия решения, сопряженного с определенным риском. На такой риск легче решиться, подразумевая не просто помощь при трудоустройстве, но какие-то гарантии. Для этого «помогающий» должен иметь определенные

возможности. И здесь уместно привести рассуждения по этому поводу одной из респонденток, заводского экономиста:

«...В моем окружении деловых женщин просто нет. Ну, есть, которые сами как-то работают, но чтобы они еще и как-то могли повлиять на то, чтобы кого-то устроить — таких нет... Потому что должность надо занимать очень большую, на уровне директора и зам-директора, чтобы он мог повлиять, да? Потому что начальник цеха, он особо никакой роли не играет».

Мужчины чаще оказываются на позициях боссов и «мини-боссов», которые могут непосредственно принять решение о найме того или иного сотрудника, что является прямым следствием вертикальной гендерной сегрегации: по данным Госкомстата, среди руководителей всех уровней 64% составляют мужчины и лишь 36% — женщины [11]. Данные нашего исследования не позволяют подтвердить это предположение статистически (для этого бы требовался другой методологический дизайн), но из качественного анализа массива интервью создается именно такое впечатление — мужчины, рассказывая о своем трудоустройстве «по блату», то есть за счет сетевых ресурсов, гораздо чаще говорят о своих знакомых директорах, коммерческих директорах, начальниках цехов, отделов и других линейных подразделениях, женщины — просто о подругах, «знакомых девочках», которые сообщают о существовании вакансии.

Следует различать сети, которые могут служить ресурсом непосредственной материальной поддержки в виде денежных, продуктовых или вещевых трансфертов, и информационные сети, с помощью которых можно узнать о наличии привлекательной вакансии или возможности подработки, а иногда и получить протекцию при трудоустройстве. Первые, как правило, ограничиваются кругом ближайших родственников и лишь иногда, значительно реже, — друзей. Это связано с моментом взаимности — помощь при трудоустройстве не предполагает в явной форме ответной компенсации, более того, иногда знакомый-посредник чувствует себя оказавшим услугу не только соискателю вакансии, но и работодателю. Поэтому в отношении трудоустройства оказываются столь эффективными «слабые связи» [14]. Что же касается материальной помощи, то здесь связи, напротив, должны быть «сильными», и поэтому ключевую роль в такого рода сетях играют женщины, самим характером своей социализации и культурно-вмененными им обязанностями нацеленные на поддержание близких отношений с родственниками и друзьями.

В целом «сильные» сети не могут заменить «слабые» — нормальные материальные условия, как правило, обеспечивает только успешное трудоустройство. Поэтому большинство наших респондентов, получавших материальную помощь от родственников и друзей, не оставляли при этом попыток найти рабочее место с достойной оплатой. Исключение составляли лишь две категории: те,

кто существовал непосредственно за счет членов своего домохозяйства, а не более отдаленных родственников и друзей (потому что такая помощь не воспринималась как помощь вообще, «родители кормят» — это «естественно»), и некоторые женщины, получавшие материальную поддержку от своих настоящих или бывших партнеров (живущих отдельно). Такая помощь воспринималась ими как должная и «естественная» и могла несколько тормозить их попытку найти независимый источник существования.

«То папаша поможет Женкин, то мама моя. Вот он машину продал, телевизор нам купил цветной. Правда, себе купил машину, а я ему говорю: “Теперь мне машину покупай!”»

«Но если что-то покупают не только для меня, но и для ребенка, я не отказываюсь. Я ведь ни от кого не скрываю, что у меня есть ребенок. Недавно один новый знакомый в магазине полный пакет продуктов для моего ребенка набрал, мне было приятно, но у него самого семья».

Первая из процитированных выше респонденток — молодая, вполне трудоспособная женщина, мать-одиночка, не работает и практически не ищет работу, вторая — менеджер в учебном заведении, довольствуется весьма скромной зарплатой и официально зарегистрирована как нуждающаяся. Обе очень сильно ориентированы на получение помощи — от партнеров, родителей, других родственников — и даже используют стратегии давления:

«Я ему такое условие поставила: хочет Женю видеть, пусть деньгами помогает!»

Однако такой паттерн — «спонсорский» гендерный контракт [15] — среди наших респонденток представлен лишь единичными случаями: большинство одиноких женщин, даже имеющих партнеров, предпочитают полагаться на свои силы:

«У мужчины я никогда денег не прошу — у любимого. Подарки он умеет делать. На день рождения мне подарки хорошие дарил и на Новый год тоже. А так, чтобы ему сказать, что у меня нет денег на хлеб или на колготки, — я за 7 лет ни разу не попросила».

Подводя итоги, можно сказать, у наших проблемных групп не так много стратегических возможностей для улучшения своей участи. Мужские сети имеют тенденцию быть профессионально ориентированными, но именно профессиональные карьеры многих наших респондентов оказались проблематичными, и это, в свою очередь, подорвало их сетевые ресурсы. Женские же сети более тесно связаны с обычными повседневными бытовыми практиками, более инклюзивны и демократичны. Однако возможности стратегического «прорыва» и существенного улучшения материального положения с помощью этих сетей невелики: помимо ресурсных ограничений, можно сказать, что они обычно и не ориентированы на такие «прорывы».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гладырев Б.С.* Дневниковый метод в изучении социальных сетей // Социология: методология, методы и математические модели. 2001. № 14. С. 53–57.
2. *Ashwin S.* Russian workers: The anatomy of patience. Manchester: Manchester University Press, 1999.
3. *Clarke S.* Making ends meet in contemporary Russia: Secondary employment, subsidiary agriculture and social networks. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2002.
4. *Ledeneva A.* Russia's economy of favors: Blat, networking and informal exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
5. *Rose R.* Getting things done in an anti-modern society: Social capital networks in Russia // Studies in Public Policy. Glasgow: Centre for the study of public policy, University of Strathclyde, 1998.
6. *Emirbayer M., Goodwin J.* Network analysis, culture and the problem of agency // American Journal of Sociology. 1980. No. 6.
7. *Yakubovich V.B., Kozina I.* The changing significance of ties: An exploration of the hiring channels in the Russian transitional labor market // International Sociology. 2002. Vol. 1. P. 479-500.
8. *Naspary J.* Post-Soviet chaos: Violence and dispossession in Kazakhstan. London: Pluto Press, 2002.
9. *Powell W., Smith-Doerr L.* Networks and economic life // The handbook of economic sociology / Ed. by N.J. Smelser, R. Swedberg. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.
10. *Голод С.И., Клецин А.А.* Состояние и перспективы развития семьи: Теоретико-типологический анализ. Эмпирическое обоснование. СПб.: Филиал Института социологии РАН, 1994.
11. Женщины и мужчины России: Статистический сборник. М.: Госкомстат, 2002.
12. *Омельченко Е.* Такие похожие, такие разные: стилевые профили и гендерные различия трудовых стратегий молодых специалистов на рынке труда // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2003.
13. *Ashwin S., Yakubovich V.* Cherchez la femme: Women as leading and supporting actors in the Russian labor market (in press).
14. *Granovetter M.* The strength of weak ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. P. 1360-1379.
15. *Темкина А.А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–14.